

© Т. В. Излученко, В. И. Кудашов

DOI: [10.15293/2226-3365.1605.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1605.09)

УДК 165.242: 316.48

НЕГАТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ

Т. В. Излученко, В. И. Кудашов (Красноярск, Россия)

В статье исследуется внутриличностный аспект актуальной для современной России проблемы религиозного экстремизма – возникновение экстремистских идей в религиозном сознании. В статье представлены современные философские и психологические концепции диалогичности сознания как основополагающего свойства личности, обозначены факторы взаимодействия диалогичности и экстремистских идей в религиозном сознании. Целью статьи является указание на возможность негативного проявления диалогичности религиозного сознания. Что при определенных условиях может способствовать развитию экстремистских идей. Специфика экстремистского религиозного сознания и механизмы радикализации религиозного сознания рассмотрены как возможные негативные проявления диалогичности сознания. Диалогичность религиозного сознания представлена инструментом, используемым экстремистскими объединениями с целью формирования своих идей. Авторы анализируют процесс формирования экстремистского религиозного сознания, отмечают наличие предпосылок возникновения экстремистских идей в сознании личности и определяют взаимообусловленность экстремизма и религиозности, указывая на негативное проявление диалогичности. Авторы демонстрируют механизмы использования религиозных учений с целью обоснования экстремизма на примерах деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и международных религиозных объединений «Нурджулар» и «Ат-Такфир Валь-Хиджра». Формирование представления «Мы – Они» является основой для склонения и вовлечения людей в деятельность религиозных экстремистских организаций. В соответствии с политическими задачами данных организаций наказания со стороны государства представляются в качестве проверки на искренность и преданность сообществу, благодаря чему обеспечивается целостность сообщества и его устойчивость перед государственной системой. В результате целенаправленной системной деятельности религиозных экстремистских организаций диалогичность сознания становится инструментом для противопоставления человека окружающему миру, представителям иных взглядов и поиска доказательств правомерности деятельности той или иной экстремистской организации.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, экстремистское сознание, диалогичность сознания, религиозное сознание, экстремистские организации.

Излученко Татьяна Владимировна – кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, Сибирский федеральный университет.

E-mail: izluchenko@mail.ru

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Сибирский федеральный университет.

E-mail: vkudashov@mail.ru

В современном мире происходит увеличение конфликтов, в основе которых находятся религиозный фактор (деятельность мигрантов в Европе, военный конфликт в Сирии). В связи с угрозой совершения преступлений по мотивам межрелигиозной ненависти и вражды, распространения экстремистских идей среди населения и, как следствие, нарушения стабильности российского общества, противодействие религиозному экстремизму признано приоритетной задачей в России¹. Религиозный экстремизм включает в себя не только совершение противоправных действий экстремистской и террористической направленности в отношении лиц, не разделяющих определенные религиозные убеждения, но и само разделение радикальных взглядов. Это подразумевает наличие специфического мировоззрения, сформированного под влиянием экстремистских идей посредством соответствующей работы сознания.

В современной российской социальной науке существует достаточное количество исследований, посвященных теме религиозного экстремизма, чтобы сформировать объективное представление о данном феномене с позиции юридической – Е. Н. Плужников [18], С. С. Оганесян [17], религиоведческой – Е. П. Сергун [19] и социологической – А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина [13]. Однако работ, характеризующих внутренние процессы, происходящие в сознании носителей идей религиозного экстремизма, совсем немного – А. В. Маркин [16]. Диалогичность

сознания как одно из основных свойств формирования личности, охарактеризованное в работах В. И. Кудашова [15], Е. В. Гордиенко [12], выполняет функцию обработки получаемой информации с позиции аксиологической и этической приемлемости и включения ее в мировоззрение. Таким образом, определенная доля ответственности за возникновение и развитие экстремистских идей в религиозном сознании находится в диалогичности.

Целью нашего исследования является определение роли диалогичности в формировании экстремистского религиозного сознания. Необходимыми являются указание специфики экстремистского религиозного сознания (религиозное обоснование экстремистских идей и оправдание противоправных действий), выявление механизмов радикализации сознания (отсутствие приемлемых альтернативных вариантов, деятельность экстремистского сообщества, разграничение социальных отношений на области «Мы» – «Они») и определение влияния диалогичности религиозного сознания на возникновение экстремизма (включение экстремистских идей в мировоззрение и направленность на их последующее обоснование).

В последние годы в России наблюдается устойчивая доля преступлений, связанных с религиозным экстремизмом и терроризмом, среди преступлений экстремистской и террористической направленности. Так, например, на территории Красноярского края по данным правоохранительных органов в 2012 году

¹ Распоряжение Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 16 декабря 2008 г. №№ 270/27р, 1/9789, 38 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256993/> (дата обращения 27.07.2016)

было возбуждено 11 уголовных дел по экстремизму и 1 по терроризму из них 7, имеющие религиозный контекст. В 2013 году 13 уголовных дел по экстремизму и 3 по терроризму из них 10, имеющие религиозный контекст. В 2014 году 11 уголовных дел по экстремизму и 6 по терроризму из них 10, имеющие религиозный контекст, и в 2015 году 23 уголовных дел по экстремизму и 13 по терроризму из них 18, имеющие религиозный контекст.

В литературе отсутствует однозначное определение понятия «религиозный экстремизм». Законодательно под «экстремизмом» определены и религиозные аспекты – возбуждение религиозной розни, пропаганды исключительности или неполноценности по религиозной принадлежности². Большинство исследователей (Н. В. Володина, П. Э. Жигоцкий [11]) утверждает необходимость данного понятия в российском законодательстве. Также принимая во внимание, что религиозный экстремизм связан с политическими и национальными факторами, используются понятия «этноконфессиональный», «религиозно-политический экстремизм». В данной работе под религиозным экстремизмом понимается религиозно обоснованная деятельность, направленная на изменение существующего конституционного строя России посредством дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, развития идей сепаратизма, превосходства и исключительности разжиганием ненависти и вражды.

Диалогичность как свойство сознания, влияющие на поведение человека, рассматривается преимущественно в психологических исследованиях. А. А. Бодалев выделил отношение, отражение и обращение в качестве отдельных аспектов диалогичности сознания,

обеспечивающих целостность восприятия человеком социальной реальности и себя в ней «...человек, как личность и как субъект деятельности стремящийся через свои поступки и деяния к достижению действительно значимых для общества целей <...> все чаще руководствуется велениями своего высшего “Я”. И это, как правило, сопровождается <...> интенсификацией его “диалогов” с воссозданными его воображением образами значимых и авторитетных для него лиц, воплощающих в себе его нравственный и профессиональный идеалы, или диалогов с самим собой, а по существу и в том и в другом случаях — со своей совестью» [10].

Философские исследования в онтологическом плане основываются на анализе роли диалогичности в формировании сознания личности субъекта и на рассмотрении взаимообусловленности свойств сознания (диалогичность, символизм, вера). М. М. Бахтин обозначил полифоничность как основное качество диалогического общения. Полифония выступает способом коммуникации между людьми, культурами и религиями, при котором сознание сохраняет самостоятельность при согласованности действий (отсутствие гомофонии). В полифонии реализуется подлинное существование человека в «несовпадении с самим собой» [6, с. 100]. В. И. Кудашов определяет диалогичность как форму бытия сознания и свойство, позволяющее выявлять жизненные перспективы личности: «Диалогичность сознания реализует самые глубинные, социальные по своей природе механизмы регуляции поведения личности, принятие решений и отказа от них <...> характерна предусмотрительностью, обеспечивающей возможность

² ФЗ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный

ресурс] // Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 16 мая 2016).

учесть все вероятные будущие возражения» [15, с. 146].

В гносеологическом плане диалогичность сознания представляет интерес как средство, обеспечивающее осуществление коммуникации на внутриличностном и межличностном уровнях. В. С. Библер указал на полифоничность сознания – наличие нескольких позиций в сознании как на условие становление развитой личности: «диалогичное сопряжение <...> в сознании и мышлении взрослого индивида различных голосов: детского, подросткового, юношеского и взрослого (учитель) типов (форм) сознания и мышления... именно одновременность и разведенность этих самостоятельных голосов (ипостасей человеческого Я), некий внутренний микросоциум как условие нормального; продуктивного, нравственного внешнего общения. В диалоге и контрапункте этих голосов осуществляется реальное творческое мышление и вообще целостная духовная деятельность взрослого индивида» [8, с. 85] и обозначил возможные проявления диалогичной сущности сознания в проведении диалога между представителями различных культур.

Ю. Хабермас рассматривает диалогичность как коммуникативное действие между сообществами в рамках единого коммуникативного пространства. При этом участниками являются люди, обладающие пониманием происходящих событий в рамках объективной социальной реальности и способных к общению с самими собой в рамках субъективной реальности. В результате диалогичного общения между представителями различных исторически сложившихся культур начинают развиваться ранее нереализованные возможности культуры [22, с. 19]. Как отметили А. Росс и М. Чиассон, первичным в коммуникативном пространстве Ю. Хабермаса является рациональность, вторичным – религия, философия,

право. Участники коммуникации осуществляют диалогичное общение, имея соответствующее коммуникативное намерение «субъект – субъектной» направленности. При этом действия участников включают коммуникативный аспект, направленный на достижение какой-либо цели субъекта, и стратегический аспект – на достижение успеха в конкретном коммуникативном акте [2, с. 123].

При обозначении осуществления коммуникации на внутриличностном и межличностном уровнях посредством диалогичности сознания определяется возможность диалога человека с личностями, обладающими качествами, отличными от качеств самого человека, с миром «священного». Диалогичность, используя присущие человеку принципы основывать свое поведение на высших основах, способствует проведению диалога с участниками в рамках религиозной сферы. С определенной долей вероятности можно утверждать, что «священные» участники являются персонализированными чувствами, мыслями и переживаниями самого человека, его совестью: «Инстанция, перед которой мы несем ответственность, – это совесть... Последнее, “перед чем” оказывается возможным выяснить путем более пристального и подробного феноменологического анализа, и “нечто” превращается в “некто” – инстанцию, имеющую облик личности. Более того – это своеобразная сверхличность... сверхличность тем именем, которое ей дало человечество: бог» [21, с. 126]. Диалогичность выступает средством для персонализации субъективной реальности и осуществления в дальнейшем с ней общения.

В религиозном сообществе, участники которого разделяют определенные мировоззренческие убеждения, осуществляется коллективное формирование «священного» посредством диалогичного общения друг с дру-

гом, направленного на обоснование уже существующих идей. В экстремистских религиозных организациях диалогичность сознания участников направлена на укрепление экстремистских идей, их обоснование через положение вероучения как «правильное» выполнение религиозных норм, целостность сообщества и противопоставление иным мировоззренческим позициям и их носителям – позиция «Мы – Они».

Экстремистское религиозное сознание как отдельный вид сознания представляет собой разновидность религиозного сознания. При этом можно утверждать, что существует как самостоятельный вид и экстремистское сознание, носители которого разделяют идеи экстремизма. Для экстремистского сознания характерным является использование крайних мер при разрешении тех или иных социально-политических и экономических проблем в российском обществе. Нередко данные действия основываются на провозглашении превосходства и исключительности одних людей при неполноценности других по какому-либо признаку. А. В. Маркин обозначил экстремистское сознание как сознание человека, не стремящегося к адекватному пониманию социальной действительности, объективности миропонимания. При этом сознание человека, готового воспринять экстремистские идеи, обладает «непониманием реального положения вещей, не умеет отличить истину от заблуждений, что приводит к внутренней опустошенности и растерянности перед жизнью» [16, с. 96].

В исследовании экстремистской деятельности с акцентированием на особенностях психики участников экстремистских организаций выделяются две позиции, представляющие особенности психологического развития и становления экстремистов как личностей.

Обе позиции, сочетая выводы, не противоречат и в определенных случаях могут дополнять друг друга.

Первая указывает на предрасположенность определенной категории людей к восприятию экстремистских идей и соответствующему противоправному поведению. Е. Н. Плужников указал на влияние социально-экономических, культурно-образовательных и политико-правовых факторов возникновения экстремистских идей в сознании человека наряду с «некорректным воспитанием, ориентированным на культурное насилие» [18, с. 71]. Ю. М. Антонян и Е. Н. Юрасова обозначили, что формированию «личности террориста присущи глубокие психологические нарушения по типу параноидных или нарциссических, сформировавшиеся на ранних стадиях развития в результате нарушенных детско-родительских отношений. Это делает индивида в дальнейшем восприимчивым к ксенофобии и националистическим идеям, позволяет легко актуализироваться архетипам “чужого” и “врага” и запускает деструктивное и аутодеструктивное поведение» [4, с. 10].

Вторая позиция указывает на наличие специфической мыслительной деятельности у экстремистов, обладающих схожими процессами в сознании, но различающихся различной степенью активности. В. И. Красиков, определяя степень мыслительной активности от всеобщее-абстрактного до духовно-конкретного, указал на наличие общих основных мировоззренческих паттернов у представителей различных направлений экстремизма: «Мы видим дуалистичную конфронтующую категоризацию значений мира, сознание собственной исключительности, избранности и атрибутирование негатива противной стороне» [14, с. 92].

Взаимообусловленность способности к принятию компромиссных решений и наличия

экстремистских идей в сознании личности выявили зарубежные исследователи К. Фан и В. Пидрич, продемонстрировавшие выводы математическими способами. Экстремизм способен возникнуть как в случаях общения людей, обладающих сформированными представлениями и вступающих в равноправное общение, так и в случаях редактирования мнений одним участником в соответствие с позицией другого. Однако на увеличение или уменьшение экстремизма влияет степень неопределенности, непонимание позиции друг друга в процессе общения [3, с. 95–96].

На наш взгляд, воспитание и особенности психического развития человека могут выступать факторами, усиливающими экстремистскую активность, стимулирующими к постоянному поиску ситуаций с высокой эмоциональной напряженностью. Диалогичность как свойство сознания присуще каждому человеку и при определенных условиях может выступить в качестве средства для возникновения и развития экстремистских идей. Участниками экстремистских идей являются зачастую нестандартно мыслящие личности, обладающими неординарными способностями. Предпосылками к экстремизму в сознании человека могут выступить социально-экономические, политические, национальные, религиозные, гендерные и другие факторы, а также личностные переживания от неудовлетворенности своим социальным статусом и несправедливости в социальной реальности. Как отмечает Э. Дирилен-Гумус, экстремистское сознание обусловлено происходящими социально-психологическими переменами, наличием предубеждений (предрассудков) и случаями дискриминация. Наличие порядка, стабильности, смысла и справедливости в экстремистских организациях объясняют привлекательность соответствующих религиозных убеждений [1].

В исследовании влияния религии на экстремистскую деятельность Е. П. Сергун указал на развитие религиозного фундаментализма как причину религиозного экстремизма, являющуюся идеологической составляющей экстремистской деятельности, предпосылки которой заложены в вероучении религий «в государственно-правовом смысле современные религиозные не могут не тяготить к созданию либо клерикального государства, либо теократического» [19, с. 100]. С. С. Оганесян и В. К. Михайлов указали на присущее всем религиям утверждение своей истинности: «Известно, что любая из когда-либо существовавших и ныне существующих религий проповедует свое абсолютное превосходство над всеми остальными и настойчиво доказывает свою исключительность и безусловную ценность для жизнедеятельности людей. Можно ли, например, представить себе Священное Писание, которое бы не возвещало о своем мессианстве в деле спасения человечества?» [17, с. 30].

На наш взгляд, взаимообусловленность религиозного и экстремистского факторов в формировании сознания личности проявляется в обосновании с позиции вероучения того или иного действия, квалифицируемого экстремистским. В этом случае религия выступает обоснованием идеологий экстремистских организаций, положения вероучения корректируются в соответствие с политическими целями. При совершении противоправных действий экстремистской и террористической направленности религия используется для оправдания последующего наказания со стороны государства или же психологических переживаний участников, связанных с личностными характеристиками и эмоциональными состояниями.

Появление и развитие идей экстремистской направленности в сознании происходит

совместно с радикализацией мировоззренческих взглядов. Радикальные позиции в отношении социально-политических и экономических процессов в российском обществе способствуют развитию экстремистских идей. Стремление людей к изменениям в обществе в условиях отсутствия возможностей – недоступность или ограниченность выражения своего мнения государству, неспособность реализации своих предложений и ощущение «ненужности», нередко приводит к реализации своих радикальных идей в рамках деятельности экстремистских организаций, в том числе и основанных на каком-либо религиозном учении.

Кроме того, отмечается наличие людей в экстремистских организациях, чьи радикальные взгляды сложились задолго до вступления в организацию и выражались в специфической форме деятельности в сфере политики и экономики. Как отмечает М. К. Арчаков, основными моментами деятельности человека являются стремление к совершенству в своей деятельности и общественные нормы и правила. При возникающем внутриличностном конфликте человек для достижения своих результатов через преодоление устоявшегося общественного порядка способен использовать агрессию как реакцию враждебности на фрустрацию, выражающуюся в насильственных методах борьбы [5]. При изменении социально-политической и экономической ситуации в государстве радикализм, перестав быть эффективным с экономической позиции и не находя полноценного выражения в экономической сфере, трансформировался в мировоззренческие крайние взгляды.

Стоит отметить, что радикализм как наличие в сознании крайних взглядов, выражающихся в соответствующем поведении человека, представляет собой основу для развития экстремистских идей. Экстремистские организации посредством радикальной идеологии или учения формируют образ противника, в отношении которого необходимо применения насильственных мер, используя психологические особенности участников и возможности агрессивного поведения.

Деятельность экстремистских организаций направлена на вовлечение носителей радикальных идей в противоправную деятельность, предлагая им единственный «истинный» способ деятельности. Сохраняя стремление участника к изменениям, укрепляя в сознании возможность их реализации, организация трансформирует ценности человека в соответствии со своими политическими целями. Тем самым у человека формируется осознание свободы своего выбора и значимости своих действий, а организация получает активного участника, который разделяет соответствующую идеологию. Например, МРО «Нурджулар»³ предлагает людям, ищущим наиболее объективного и научного объяснения устройства мира и роли священного, познакомиться с наиболее истинным, с точки зрения ее участников, толкованием Корана и положений религии ислам. Стремление к поиску единственно верного объяснения происходящего и способа разрешения существующих проблем МРО «Нурджулар» трансформирует в стремление подлинного служения Аллаху посредством противоправной деятельности в России.

³Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 № ГКПИ08- о признании международного религиозного объединения «Нурджулар» эк-

стремистским и запрете его деятельности на территории России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034/> (дата обращения 21.07.2016)

Экстремистские религиозные организации с целью склонения, вовлечения и вербовки людей используют различные психологические приемы, посредством которых осуществляется информационно-психологическое воздействие на сознание, усиленное соответствующим художественным выражением. Информационно-психологическое воздействие заключается в использовании воображения как инструмента художественного сознания для формирования положительных образов деятельности данной организации и негативных образов «врагов» – лиц, представляемых противниками, ориентированных на долгосрочную эмоциональную память. Ю. Р. Тагильцева доказывает, что «манипулятор воздействует на мышление и чувства индивида» [20, с. 170].

Реализуя механизмы информационно-психологического воздействия, экстремистские религиозные организации используют различные информационные средства – массмедиа, печатную продукцию, в зависимости от возможности и специфики своей деятельности. Например, МРО «Нурджулар» распространяет буклеты, брошюры и календари, выполненные в хорошем качестве на русском языке. Террористическая организация «Хизб ут Тахрир аль-Ислами»⁴ распространяет качественные видеозаписи, пропагандирующие идеи терроризма в соответствии с идеологией организации. При этом вне зависимости от применяемых средств целью является формирование и укрепление образов посредством воображения и эмоций индивидов. Происходит использование основных психологических свойств сознания, что и обеспечивает продуктивность данных методов вовлечения.

Противопоставление людей на «Мы» и «Они» в социально-политической сфере выступает методом интеграции участников в экстремистскую организацию с последующей идентификацией себя только как ее участника. В экстремистских организациях люди ощущают принятие себя другими людьми и отношение причастности к целому сообществу, в котором существуют специфические ценности, мировоззрение и форма поведения. Этические и аксиологические нормы организации становятся основами социального и субъективного духовного бытия человека. Проявления экстремизма основываются на психологических моментах – противопоставления себя другим и бессознательное разделение людей на «своих» и «чужих», в том числе и иных взглядов и ценностей. Психологическое единство группы выражается в субъективном понимании «мы» [7].

Экстремистская религиозная организация противопоставляет себя существующему государству, политическому устройству и людям, разделяющим иные мировоззренческие и религиозные убеждения. В соответствии с этим в сознании участников формируется дихотомический подход на мир при неприятии иных мировоззренческих и религиозных позиций. Нередко это приводит к разрыву ранее сформированных рабочих, семейно-брачных и других отношений. Обоснованием таких действий выступают положения о подлинности отношений между участниками – «братьями и сестрами» и максимальном участии в жизни организации. Это может выражаться в разрыве общения с близкими кровными родственниками при отношении к иным участникам как к

⁴Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании террористическими организации: ... «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») ... и запрете их деятельности // Национальный антитеррористический

комитет. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения 27.07.2016)

родным людям. Наиболее ярко это проявляется при отмечании не только религиозных (ид аль-фитр, намаз-джума), но и светских праздников (дни рождения).

Экстремистские религиозные организации для вовлечения людей с дальнейшим их активным участием используют определенные механизмы формирования специфического мировоззрения. Во-первых, это создание в сознании людей гиперболизированного представления о несправедливости и унижении их со стороны государства при одновременном акцентировании идей личного превосходства. Для этого приводятся в пример события прошлого и настоящего в необходимой трактовке. Во-вторых, направление внутренних ресурсов, основанных на недовольстве и достижении справедливости, на реализацию конкретных политических целей организации. В-третьих, легализация используемых мер и осуществления противоправной деятельности посредством идеологии. Например, МРО «Ат-Такфир валь-Хиджра»⁵ при толковании внутривнутриполитического положения во второй половине XX века в Египте как отсутствие истинного мусульманского правления привело к формированию у участников идей о создании собственной мусульманской общины и переселении на территории с шариатским правлением. Обвинение других мусульман в неверии, именовании их «кафирами» привело к легализации насилия, взятие в заложники в 1977 году Мухаммада аз-Захаби – бывшего министра по делам религии Египта.

Диалогичность религиозного сознания при определенных внешних (экономическая

необходимость, социально-политические процессы, физическое и психологическое давление) и внутренних (духовный поиск, стремление к справедливости) факторах может выступать предпосылкой для возникновения и развития экстремистских идей. Тем самым, диалогичность как свойство сознания личности демонстрирует негативное проявление своей функциональности. Стоит отметить, что для сознания личности наличие экстремистских идей не несет дестабилизирующего значения. Носитель данных идей продолжает личностно развиваться как в психологической, так и в социально-политической сферах. Экстремистскими те или иные действия и идеи квалифицируются со стороны государства. По этой причине участники экстремистских организаций зачастую не интерпретируют свою деятельность как экстремистскую. Например, участники МРО «Нурджулар» обращаются к представителям государственной власти с требованиями не осуществлять уголовного наказания в отношении них по причине того, что они не являются «врагами» России.

Благодаря диалогичности человек способен к осуществлению полноценной коммуникации с другими людьми, в результате которой формируется позиция «Я – Другой» – через интерпретацию других человек глубже осознает свою особенность. В экстремистском религиозном сознании данное свойство диалогичности позицию «Я – Другой» трансформирует в позицию «Мы – Они», познание внутреннего мира – в противопоставление себя другим, обоснование своего мировоззрения с позиции той или иной религии. Религиозное

⁵Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г. № ГКПИ10-848 о признании международного религиозного объединения «Ат-Такфир Валь-Хиджра» экстремистским и запрете его деятельности на территории РФ, поскольку деятельность структурных подразделений международного религиозного объеди-

нения угрожает межнациональной и межконфессиональной стабильности в российском обществе, территориальной целостности РФ //Информационно-правовой портал Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/> (дата обращения 21.07.2016)

учение, в свою очередь, как основание идеологии экстремистской организации интерпретируется с позиции реалистического понимания истины, осуществляется сопоставление идеологических положений с историческими и природными реалиями [9, с. 61].

Полноценное диалогичное общение между равными участниками осуществляется в этом случае в рамках общения участников одной и той же экстремистской организации. В результате, в экстремистском религиозном сознании диалогичность, способствующая расширению коммуникативных контактов, увеличению мировоззренческих точек зрения, направляет сознание носителей на определенные экстремистские взгляды, которые приводят к совершению преступлений экстремистской направленности.

Подводя итог, стоит отметить, что экстремистское религиозное сознание формируется, используя диалогичность в качестве основного фактора возникновения и развития экстремистских идей. В рамках экстремистского религиозного сознания реализуется негативное проявление диалогичности, осуществляя на первоначальном этапе коммуникацию с иными мировоззренческими позициями, отличными от взглядов личности, и формирование позиции «Я – Другой» и в дальнейшем обоснование позиции «Мы – Они» при проведении полноценного диалога с другими участниками экстремистской организации. Экстремистские идеи развиваются в религиоз-

ном сознании, используя возможность проявления агрессии человеком при определенных сложившихся психологических и социально-политических условиях, а также при угрозе безопасности. Происходит трансформация агрессии в насилие при помощи соответствующей идеологии, формирующей определенные мотивы к действию. При этом происходит обоснование экстремизма с позиции вероучения той или иной религии при использовании религиозной веры как свойства религиозного сознания, что повышает качество соответствующего мировоззрения и осуществление экстремистских действий.

В социальном плане для противодействия экстремистским организациям, идеологии которых основаны на вероучении той или иной религии, необходимо создание альтернативных вариантов выражения и реализации личностных потребностей в общественно приемлемой форме. В политико-правовом плане – повышение уровня правового самосознания населения. Направление диалогичности сознания на развитие диалогичного общения с различными людьми, в том числе и с теми, которые вызывают интолерантное отношение, развитие положительных проявлений (поиск альтернатив экстремизму, возможности религиозного и мировоззренческого выбора, направление психологических особенностей в позитивное выражение), может способствовать снижению межрелигиозных конфликтов на территории России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Dirilen-Gumus O.** Differences in System Justification with respect to Gender, Political Conservatism, Socio-Economic Status and Religious Fundamentalism // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* – 2011. – Vol. 30. – P. 2607–2611. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.510>
2. **Ross A., Chiasson M.** Habermas and information systems research: New directions // *Information and Organization.* – 2011. – Vol. 21. – P. 123–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.infoandorg.2011.06.001>
3. **Fan K., Pedrycz W.** Emergence and spread of extremist opinions // *Physica A.* – 2015. – Vol. 436. – P. 87–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.physa.2015.05.056>

4. **Антонян Ю. М., Юрасова Е. Н.** Экстремистское и террористическое поведение и спозиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. – 2010. – № 2. – С. 3–10.
5. **Арчаков М. К.** Психологические проблемы экстремистской деятельности // Вестник Амурского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки. – 2011. – № 52. – С. 50–54.
6. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 100 с.
7. **Безносков Д. С., Почебут Л. Г.** Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2010. – Вып. 1. – С. 287–299.
8. **Библер В. С.** Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы. – Кемерово: «АЛЕФ» Гуманитарный центр, 1993. – 85 с.
9. **Билалов М. И.** Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // Исламоведение. – 2016. – № 1. – С. 59–66.
10. **Бодалев А. А.** Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. – М.: Флинта-Наука, 1998. – 168 с.
11. **Володина Н. В., Жигоцкий П. Э.** Исламистский религиозный экстремизм: правовой и философский аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 1. – С. 86–94.
12. **Гордиенко Е. В.** Диалогичность сознания личности: анализ философско-психологических концепций сознания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2011. – № 3. – С. 238–243.
13. **Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.** Этноконфессиональная ситуация и религиозный экстремизм в Хабаровском крае: конец советской эпохи // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. – Т. 2, № 4. – С. 65–70.
14. **Красиков В. И.** В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. – М.: Водолей, 2006. – 506 с.
15. **Кудашов В. И.** Диалогичность как форма бытия сознания (Философские очерки). – Красноярск: Красноярская Высшая школа МВД РФ, 1998. – 163 с.
16. **Маркин А. В.** О некоторых аспектах формирования экстремистского сознания как основы девиантного поведения в современном обществе // Вестник Краснодарского юридического университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 94–97.
17. **Оганесян С. С., Михайлов В. К.** Проблемы правового содержания права на свободу совести и вероисповедания, а также определение религиозного экстремизма // Право и современные государства. – 2015. – № 3. – С. 27–36.
18. **Плужников Е. Н.** Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – № 1. – С. 71–78.
19. **Сергун Е. П.** Соотношение понятий «религиозный фундаментализм» и «религиозный экстремизм» // Правовая культура. – 2012. – № 2. – С. 99–103.
20. **Тагильцева Ю. Р.** «В ту ночь, когда рождаются волки», или «поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 165–170.
21. **Франкл В.** Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 372 с.
22. **Шачин С. В.** Опыт обоснования толерантности на основе религиозной философии Юргена Хабермаса и Канта // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2013. – № 2. – С. 389–396.

DOI: [10.15293/2226-3365.1605.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1605.09)

Tatyana Vladimirovna Izluchenko, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5644-301X>E-mail: izluchenko@mail.ru

Vyachyaslav Ivanovich Kudashov, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7009-8179>E-mail: vkudashov@mail.ru

NEGATIVE ROLE OF DIALOGUE IN FORMATION OF EXTREMISM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

Abstract

The authors investigate the intrapersonal aspect relevant to modern Russian problems of religious extremism – the formation of extremism religious consciousness. The article presents the modern philosophical and psychological concept of dialogic consciousness as a fundamental property of personality, indicated dialogic interaction and extremist ideas within religious consciousness. The aim of the article is to identify the role of dialogic process in the emergence and development of extremist ideas within religious consciousness. The peculiarities of extremist religious consciousness and the mechanisms of religious consciousness radicalization are considered as ways of dialogic consciousness manifestations. Dialogic attributes of religious consciousness are presented as the subject of the research in the context of extremist ideas formation. The authors analyze the formation of extremism religious consciousness, emphasizing the existence of prerequisites of extremist ideas in the mind of every individual, and determining the interdependence of extremism, religious and dialogic consciousness. The authors consider how extremist religious organizations justify their activities analyzing the example of such terrorist organization as Hizb ut-Tahrir and such international religious organizations as Nurdzhular and Al-Takfir Val-Hijra. Formation of the “We and They” policy is the key reason for joining religious extremist organizations. According to the policy of these organizations a legal punishment is presented as a tool of estimation the sincerity and dedication to the religious community, thus ensuring the integrity of the community and its resistance to the State. As a result of purposeful systemic activities of religious extremist organizations, dialogical consciousness is presents as a tool of setting of the individual in opposition to the outside world and representatives of different views, and searching for evidence of legitimacy of extremist organization activities.

Keywords

Religious extremism, extremist consciousness, dialogic consciousness, religious consciousness, extremist organizations.

REFERENCES

1. Dirilen-GumusO. Differences in System Justification with respect to Gender, Political Conservatism, Socio-Economic Status and Religious Fundamentalism. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011, vol. 30, pp. 2607–2611. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.510>

2. Ross A., Chiasson M. Habermas and information systems research: New directions. *Information and Organization*. 2011, vol. 21, pp. 123–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.infoandorg.2011.06.001>
3. Fan K., Pedrycz W. Emergence and spread of extremist opinions. *Physica A*. 2015, vol. 436, pp. 87–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.physa.2015.05.056>
4. Antonyan Y. M., Yurasova E. N. Extremist and terrorist behavior from the standpoint of depth psychology. *The Scientific portal of the Ministry of internal Affairs of Russia*. 2010, no. 2, pp. 3–10. (In Russian)
5. Archakov M. K. Psychological problems of extremist activity. *Bulletin of the Amur state University. Series. Humanities*. 2011, no. 52, pp. 50–54. (In Russian)
6. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow, Soviet Russia Publ., 1979, 100 p. (In Russian)
7. Beznosov D. S., Pochebut L. G. Psychological aspects of extremism and terrorism. *Vestnik St. Petersburg University. Ser. 12*. 2010, vol. 1, pp. 287–299. (In Russian)
8. Bibler V. S. *School of the dialogue of cultures: Ideas. Experience. Problems*. Kemerovo, “ALEPH” Humanities center Publ., 1993, 85 p. (In Russian)
9. Bilalov M. I. A Symbolic model of truth in the problem of the understanding of Islam. *Islamic studies*. 2016, no. 1, pp. 59–66. (In Russian)
10. Bodalev A. A. *A Peak in the development of the adult person: characteristics and conditions of achievement*. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 1998, 168 p. (In Russian)
11. Volodina N. V., Zhigotsky P. E. Islamic religious extremism: legal and philosophical aspects. *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples*. 2014, no. 1, pp. 86–94. (In Russian)
12. Gordienko E. V. Dialogic consciousness of the personality: the analysis of philosophical and psychological concepts of consciousness. *Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University them. V. P. Astafiev*. 2011, no. 3, pp. 238–243. (In Russian)
13. Zavalishin A. U., Kosterina N. Yu. The ethnic and religious situation and religious extremism in Khabarovsk Krai. *The end of the Soviet period. scientific notes of Komsomolsk-on-Amur state technical University*. 2014, vol. 2, no. 4, pp. 65–70. (In Russian)
14. Krasikov V. I. *The extreme. Interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of radical consciousness*. Moscow, Aquarius Publ., 2006, 506 p. (In Russian)
15. Kudashov V. I. *Dialogue as the form of existence of consciousness (Philosophical essays)*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Higher school of MIA of the Russian Federation Publ., 1998, 163 p. (In Russian)
16. Markin A. V. Some aspects of the formation of extremist consciousness as the Foundation of deviant behavior in contemporary society. *Bulletin of the Krasnodar University of MIA of Russia*. 2014, no. 3, pp. 94–97. (In Russian)
17. Oganesyanyan S. S., Mihajlov K. V. problems of legal content of the right to freedom of conscience and religion, as well as the definition of religious extremism. *Law and modern States*. 2015, no. 3, pp. 27–36. (In Russian)
18. Pluzhnikov E. N. The concept of religious extremism and its manifestations in modern Russia. *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples*. 2010, no. 1, pp. 71–78. (In Russian)
19. Sergun E. P. relationship between the concepts of «religious fundamentalism» and «religious extremism». *Legal culture*. 2012, no. 2, pp. 99–103. (In Russian)
20. Tagiltseva Y. R. «That night, when wolves are born», or «poetry» informational-psychological influence of religious-political extremism. *Political linguistics*. 2015, no. 4, pp. 165–170. (In Russian)

21. Frankl V. *Man in search of meaning*. Ed. from English and German, Common. edited by L. Y. Gozman and D. A. Leontiev, article by D. A. Leontiev. Moscow, Progress Publ., 1990, 372 p. (In Russian)
22. Sachin S. V. Experience of the justification of toleration on the basis of the religious philosophy of Jürgen Habermas and Kant. *Journal of the Murmansk State Technical University*. 2013, no. 2, pp. 389–396. (In Russian)